

социокультурной реальности, весьма остро переживающей проблемы поиска и выработки способов восприятия Чужого и события с ним, для грамотного выстраивания межкультурного диалога, культурной политики. Книга астраханских ученых может быть интересна специалистам в области гуманитарных и социальных наук, преподавателям высшей школы, аспирантам и студентам, занимающимся научными исследованиями в различных областях гуманитарного познания и межкультурного взаимодействия, специалистам в области образования, политики и СМИ.

Н.Б. ШИПУЛИНА
(Волгоград)

**ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ВЕЩИ: НЕТРИВИАЛЬНОСТЬ
ПРОСТОТЫ И ВНЕОБЫДЕННОСТЬ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ (рецензия
на книгу: *Сила простых вещей* :
сб. ст. / под ред. С.А. Лишаева. СПб.:
Алетейя, 2014. 384 с. (Тела мысли))**

В 2014 г. вышел в свет коллективный труд философов из Самары, Санкт-Петербурга, Москвы и Казани – сборник статей «Сила простых вещей», посвященный исследованию вещи в онтологическом, антропологическом и культурологическом измерениях. Поскольку книга написана не в монографическом формате с логически выстроенным изложением единой концепции, она представляет собой своеобразную мозаику самых разных взглядов и ракурсов как в аспекте областей гуманитарного знания, в рамках которых осуществляется рефлексирование вещи и вещественного, так и в отношении подхода к сущностному пониманию собственно вещи. В этой связи редактор книги «Сила простых вещей» С.А. Лишаев так пишет о замысле и основной концепции сборника: «Далекое и сложное притягивает наше внимание значительно чаще, чем простое и близкое. Чем ближе к нам расположена вещь, чем она проще, тем меньше мы обращаем на нее внимание. Авторы этой книги попытались удержать простые вещи на гребне философского вопрошания. Каждый из них ре-

шал эту задачу по-своему, и каждый внес свою лепту в реализацию общего замысла: создать смысловое пространство, в котором вещи могли бы явить свою подлинную или кажущуюся (скрывающую сложное) простоту. Собранные под одной обложкой работы разных авторов в своей совокупности представляют собой своеобразный сад – “сад вещей”» (с. 5).

Подготовка книги заняла у ее авторов и идейных вдохновителей долгие годы. Так, основное содержание книги составляют работы, опубликованные в 2007–2008 гг. в философском ежегоднике «*Mixtura verborum*» (*Mixtura verborum*’2007: Сила простых вещей. Самара, 2007). Тема простых вещей оказалась участникам проекта интересной и заслуживающей дальнейшей разработки, и в 2008 г. была проведена философская конференция «*Метафизика простых вещей*», по результатам которой был издан сборник материалов (*Mixtura verborum*’2012: Сила простых вещей–2. Самара, 2013), что было важным этапом в подготовке данного издания. Наконец, сейчас появилась возможность увенчать многолетний проект книгой.

Одной из особенностей сборника «Сила простых вещей», на наш взгляд, является его выдержанность в структуре бинарных оппозиций, в определенном смысле следование одному из самых архаичных и в то же время современных постмодернистских принципов видения и освоения мира. Поскольку в философском и культурологическом дискурсе авторов книги явно просматривается подобная система, то основополагающими в ней оказываются такие парные концепты-противоположности, как «сила–уязвимость (слабость)», «простота–сложность (неоднозначность и противоречивость)», «созерцательность – событийность» (с. 11), «вещи – тексты» (с. 69), «жизнь – смерть вещей» (с. 137), «подлинность – кажимость (фальшь)» (с. 162) и др.

Тематически сборник разбит на четыре раздела: «*Метафизика простых вещей*», «*Вещь и субъект*», «*Сад вещей (вход и выход свободный)*», «*Простота присутствия*». В первой главе методологическим фокусом выступает метафизика вещей, их онтологическая сущность. Авторы этой части книги размышляют над противоречивостью содержания концепта «простота» и его релевантности в отношении обыденной повседневной вещи. Понимая вещь чрезвычайно широко, М.В. Михайлова считает этот вопрос насущным и сво-

временным, поскольку «один из симптомов современности – утрата реального, и преодолеть эту проблему можно именно с помощью внимания к простым вещам. Вещь – это то, что можно назвать, то, что может именоваться, называться именем. Любая сущность, которая может быть поименована, – это вещь. С этой точки зрения вещами являются не только камень, стол или газета, но и надежда, любовь, страх» (с. 11). Автор статьи «Философия простых вещей: созерцательность и событийность» принципиально не считает вещи такими уж простыми, тем более философствование по поводу их повседневности, т.к. «философия простых вещей обладает неисчерпаемым ресурсом счастья, поскольку дает пережить обыденность как драгоценность» (с. 16).

С.А. Лишаев в статье «Метафизика простых вещей (простая вещь как место сборки мира и человека)» утверждает, что «вещь, не воспринимаемая утилитарно, – проста. Простая вещь – не столько вещь “обыденная”, “повседневная”, сколько “прямая”, “настоящая”. <...> Вещь проста тогда, когда она, не утрачивая своей “чтойности” и “этости”, оказывается местом обнаружения Другого (Иного), которое – по определению – просто... Простое в человеке – это то, что дает место сложному. Вещь проста, когда прост (свободен, открыт, внутренне отрешен, чист) сам человек» (с. 25). Такая простота (не «простоватость», что хуже воровства) позволяет человеку осуществлять «связь с чем-то онтологически исходным, простым. Одной из точек сборки фрагментированного мира и человека как раз и оказывается “простая вещь”, встреча с которой – экзистенциальное событие» (с. 27). Размышляя об онтологических свойствах вещи, С.А. Лишаев выделяет как особенно значимую характеристику единицы материального мира таинственную простоту ветхой вещи. В ветхой вещи «ее “что” совершенно ступало перед простотой *бытия на грани*. В восприятии вещи в модусе ветхости простое в ней <...> выходит на первый план. Какой бы сложной ни была по своему строению и по взаимодействию с другими предметами вещь, она становится простой в момент, когда балансирует на грани бытия и небытия» (с. 32).

В статье Е.А. Иваненко, М.А. Корецкой, Е.В. Савенковой «Гекатонхейр и цветочек, или Как возможна философия простых вещей?» идет речь о том, как именно возможен дискурс о простой вещи в философии и не только. Авторы рассматривают эстетический аспект реалогической рефлексии, полагая, что «Художественный опыт к сути простой вещи

подходит ближе. Средствами искусства можно уловить самое простое и дать ему выразиться – яблоку, лучу света, окну...» (с. 35). Значимым для бытия и осмысления простой вещи в статье выделяется лингвокультурологический аспект. «Собственное, уникальное имя делает вещь неповторимой, превращая ее в *exemplaris* и выводя тем самым из поля теоретического зрения, поскольку <...> мысль мыслит, прежде всего, общее, в то время как единичное является для нее камнем преткновения. Иначе говоря, рука способна удержать меч Дюрандаль*, а мысль – нет» (с. 41).

Авторы статьи тонко подмечают сложную заданность простых вещей всей культурой. Простые вещи «просты в силу нашей привычки воспринимать гармонично составленное сложное, то есть произведение, как простое. Что может быть проще колеса, перстня, меча или воспетой <...> Хайдеггером чаши? Однако за всеми этими вещами стоят не просто сложные навыки, но и невероятные сдвиги пластов культуры» (с. 42). Авторы статьи приходят к выводу о том, что «простые вещи – верхушки айсбергов, плавающих в мире культуры; под видимой простотой – могучие корни. Иными словами, быть просто в современной культуре очень сложно» (с. 44). Отдельно в статье оговариваются вещи, «в которых символические функции превалируют над утилитарными и естественными. Речь идет о вещах священных или сакральных, которые также могут быть восприняты как простые, причем не важно, имеется ли в виду Омфал или Грааль. Вещам такого рода свойственна единственность, манифестируемая индивидуальным именем, за которым тянется история, рок, судьба. Сила этой вещи настолько велика, что, будучи даже разбитой на несколько частей, она может сохранить за каждой своей частью всю свою мощь, продолжая двигаться в русле собственного предназначения» (с. 43).

Стержневым модусом бытия вещей Е.А. Иваненко, М.А. Корецкая, Е.В. Савенкова считают их максимальную включенность в ткань индивидуального бытия субъекта и способность создавать и определять «субъектное поле опыта». «Им свойственна необратимость существования. Некая вещь обретает единичное и символическое значение событийно и акцидентально. Вслед за Прустом и Гуссерлем такие вещи описывал Мамардашвили, называя их “упаковками опыта” и призывая расследо-

* Меч, выкованный кузнецом Галаном (вар. – Мадельгером из Регенсбурга) и врученный Карлом Великим во время рыцарской присяги Роланду.

вать их кентаврическую природу» (с. 43–44). Именно так мыслится метафизика простых вещей в феноменологии, «которая и была создана для эпического описания одиссеи субъекта, круглыми путями возвращающегося к самому себе через пестроту жизненного мира» (с. 44).

Ю.А. Разинов в своей статье «Dasein вещей, или О чем может поведать трубка» стремится разобраться в смысле основного тезиса и призыва феноменологии «Назад к вещам!». Автор, апеллируя к хайдеггеровскому одновременно торжественному и неутешительно-диагнозу относительно «забвения», «ухода» и «уничтожения» вещей, констатирующему ситуацию, когда «существо вещи никогда не дает о себе знать, т. е. ему не дают слова», ищет ответ на вопросы «что это значит: “дать вещам слово”? Как это вещи могут сами говорить? “Говорящие вещи” – это что? Метафора? Или покрытое исторической плесенью анимистическое представление? А может быть, ни то и ни другое?» (с. 48). По сути, Ю.А. Разинов, полагая все же, что слова М. Хайдеггера не метафора, а прямое указание, хочет «хотя бы частично реабилитировать архаическое представление о “душе” вещей» (с. 49), ведь в мифологическом сознании вещь в полной мере обладает способностью «веществовать» – рассказывать саму себя. Шаман, «войдя в транс и утратив идентичность, <...> становился на время той вещью (животным, растением или минералом), силу которого намеревался использовать» (с. 50). И далее в статье проводится анализ историко-культурного и историко-философского смещения смысла отношений человека и вещи, когда «через процедуры ревизии и контроля – субъект нововременной рациональности перехватил инициативу у природы. Вырвавшись из силового поля вещей, стряхнув с себя заветные чары и окончательно “демистифицировав” мир, человек науки перешел в эру активного управления вещами и силами. И если путь шамана лежал *от силы к знанию*, то развитие науки и техники пошло в обратном направлении – *от знания к силе*» (с. 51). Современный человек и общество «вытеснили на периферию обыденности такие модусы архаического отношения к вещам, как любовь, верность и доверительное общение. Мир вещей захлестнули отношения власти и подчинения, экономии и потребления» (с. 51).

В определенном смысле Ю.А. Разинов уловил и сформулировал суть культурной перекодировки вещей из сферы сакрального в сферу обыденного, из состояния веществен-

ности в статус предметности (причем описал этот процесс в коннотациях утраты) и проанализировал модусы предметного бытия вещи в современном мире: товар, изделие, раритет, экспонат, произведение. Сетую на утрату архаических форматов отношений человека и вещи, когда человек жил «в мире соучастия предметов и сил, в мире перевоплощений и трансформаций, благодаря которым можно было общаться с животным, растением или природной стихией, причем в прямом, а не в переносном смысле» (с. 59), автор приводит конкретные примеры того, как возможна «способность к спонтанному отождествлению себя с вещью и общению с ее “душой”» (с. 59). Для этого он обращается к книге К. Кастанеды «Учение Дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан», где описывается техника курения как общение с трубкой (с. 60–61), и сравнивает этот сакральный духовный процесс со скоротечным перекурком – противоположным курению трубки квазиобщением человека с одноразовым «расходником», сигаретой, выполняющей, как пишет автор статьи, «роль скорой помощи, служащей потребности невротизированного субъекта к ментальному удовлетворению желания» (с. 62).

В итоге Ю.А. Разинов приходит к выводу о необходимости возврата «к тому архаическому отношению, которое рациональной традиции было известно лишь в терминах “фетишизма”, “анимизма” и “гилозоизма”» и обращения к «новой онтологии вещей, где те не просто есть, существуют, обладая “готовой” сущностью, а *осуществляются* или *исполняются* в некоем событии, приходя к своей сущности, т.е. в каком-то смысле экзистируют. <...> Выражение “вещь веществует” означает, что она не *есть*, а *сбывается*» (с. 67–68).

Второй раздел сборника «Сила простых вещей» посвящен проблеме «Вещь и субъект». А.К. Секацкий в статье «От формации вещей к эпохе текстов» констатирует современную реталогическую ситуацию в культуре как утрату вещами такой функции, как способность быть «хроноуловителем», быть слоем или осадком не только культуры, выполняя мемориальную или коммеморативную задачу, а индивидуальной жизни, быть «надежным транспортным средством», способным перемещать субъективное «бытие-в-посмертии» (с. 74–75). Автор статьи использует очень яркие метафоры, описывая современную культурную ситуацию как замену вещей-пожитков вещами-проектами. «Вещи как пожитки суть устойчи-

вые крупницы жизни, кристаллики трансперсонального бытия <...>, сверхпроводники скоротечного времени, замедляющие его скоротечность», но «вещи-пожитки больше не живут в нашем обиходе, их вытеснили вещи-проекты» (с. 75). По существу, в статье утверждается переход от вещественного к текстовому способу культуротворчества и самосознания, и автор видит в переходе «от пожитков к проектам» ускорение «происходимости происходящего» и резкое возрастание напряжения «в модусе бытия как авторствования» (с. 76). «Вещи-пожитки выброшены как старый хлам или сакрализованы как музейные экспонаты – и в том и в другом случае их проводящие и сохраняющие иноприсутствие свойства утеряны» (с. 77). А.К. Секацкий использует оппозицию «присутствия–отсутствия» для обозначения сути культурных перемен, утверждая, что «традиция несуетного проживания стала, наконец, воистину маргинальной, принципиально несохраняемой – даже узы ближайшего родства не предотвращают угасания присутствия. Оставшиеся пустыми, вещи-оболочки напоминают, в лучшем случае, о факте отсутствия, их эфемерное единство распадается сразу же, как только владелец исчезает. Они суть опавшие лепестки, и только тексты могут быть сжаты в семена, пригодные к произрастанию» (с. 78).

В тех же критериях «присутствия» – «отсутствия» (белых и черных клавиш бытия) размышляет о вещах в субъективном бытии О.А. Балла-Гертман в статье «Поэтика потерь: к антропологии вещи». «У вещей есть два модуса существования – присутствие и отсутствие, причем последнее не менее, а иногда и более сильно, чем первое. Иные предметы голосят, вопиют своим отсутствием, незаменимостью ничем-другим. Иным – вообще надо исчезнуть, утратиться, чтобы стать по-настоящему, в полной мере самими собой. Их присутствие – только подготовка к будущему отсутствию, его вызревание, накопление. Утрата – задание и человеку, и предмету» (с. 106). Приобретения и потери в бытии субъекта с вещами автор статьи вписывает в категории антропологии возраста – детство / молодость / зрелость / старость, полагая, что в детстве «предметы и их детали воспринимались отчетливо, выпукло, самоценно, завораживали», молодость и зрелость «мыслят размашисто, охапками. Детали проскакивают мимо. С будущей старостью к нам подступает внутренняя тишина <...> и в ней все лучше слышны отдельные предметы» (с. 110–111).

В статье С.А. Лишаева «Первое, что запомнилось (вещь в биографическом контексте)» осмысление простых вещей вписывается в персональный опыт бытия, в опыт эмоционального и социального взросления, формирования индивидуальности, начинающегося в детстве и осуществляющего как импринтинг – запечатление переживания мира и самого себя через конкретную вещественную деталь этого мира – стеклянный шарик, красную пуговицу, запах пучка полыни, которую автор называет «первосветом». «Рост и ветвление смыслов, извлекаемых из образа вещи-первосвета, продолжается и после того, как она впервые становится предметом автобиографической рефлексии. Если в жизни рефлексирующего над собственным прошлым человека происходит заметный поворот, то в той или иной мере изменяется и толкование первовещей памяти: в них открываются новые смысловые горизонты. Многократное возвращение к первовещи, ее переинтерпретация, извлечение новых смыслов показывает, что такая вещь переживается нами как хранительница неисчерпаемой тайны простого» (с. 136).

В противопоставлении модусов «незабвенного» и «забвения», «преданности» и «измены» рассматривает проблему субъекта и вещи А.А. Грякалов в статье «“Монодрамы вещей” и субъективность: пределы забвения и незабвенное». Неповторимость и уникальность отношений субъекта и вещи он описывает в терминах экзистенциализма – «встреча», «случай», «судьба», «абсурд бытия», «свобода произвола». Автор статьи констатирует, что «в модерне происходит “антропологизация вещи”. <...> Вещь обретает смысл в отношении к опыту проживания – обращение к пределу тем более значимо, что только максимальное напряжение жизненных сил способно открывать в вещах смысл-сущность жизненной энергетике, а не сущность спекулятивного плана, когда сознание “подводит вещь под понятие”» (с. 85–86). Апеллируя к идеям Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера, А.А. Грякалов подчеркивает, что «во встрече *вещного* и *человеческого* проявляется то, что может быть названо “парадоксом умаления”: чем больше символическое освоение вещи, тем менее “собственно вещного” существования. Рост символического означает умаление вещного – в пределе вещное тем или иным образом восстает против растворения в символическом. <...> А когда символическое забыто в вещах и вещное становится предметным – вещи перестают быть сами собой»

(с. 88). Таким образом, тема субъектного бытия и вещей в статье пересекается с темой языка, телесности. Коллизии бытия субъекта и бытия вещей в статье тонко иллюстрируются литературными текстами Б. Пильняка, А. Платонова, В. Шаламова.

Поводом и материалом для статьи Е.А. Иваненко, М.А. Корецкой, Е.В. Савенковой стал интернет-портал «Дарудар», основанный в 2008 г. братьями Каракуловыми как сетевое сообщество, ориентированное на практику безвозмездного дарения вещей, которые перестали быть нужными своим владельцам, но могут быть востребованы кем-то другим. Соответственно в статье «Дарудар. Жизнь и смерть простых вещей» центральными культурными концептами выступают дар, дарение, подарок, символический обмен, корысть и бескорыстие, стяжательство, потребление и их современные модификации, возникающие в связи с виртуализацией коммуникации и культуры. Исследуя в этом материале современное состояние отношений человека и вещей, авторы просят прожить, «как простая вещь, избывшая свой жизненный срок в чьем-то личном пространстве <...>, попадает в сетевой конвейер “одухотворения” по-франкенштейновски и продолжает цикл существования, перемещаясь от дарителя к дарителю, неся в своей мертвой упаковке живую эмоцию. Этот некрофильский образ, возможно, слишком резок, но он хорошо отражает суть происходящего» (с. 160).

Ю.А. Разинов в статье «Фальшивка» анализирует фальшивку как непростую неподлинную, ложную вещь в отличие от простой аутентичной, правдивой, истинной вещи, останавливаясь на проблеме соотношения копии и оригинала, явной и неявной фальшивки, природу симулякра как копии копии, пустой оболочки, знака без означаемого. Автор приходит к выводу о том, «что в современном театре вещей фальшивки начинают занимать едва ли не равное место с подлинными вещами. Забвение “самих вещей” в итоге может оказаться настолько глубоким, а приближение подделки к изначальному образу настолько радикальным, что на каком-то этапе исторического пути мы можем утратить видимость дистанции между подлинной и мнимой вещью, между образом и копией, между эйдосом и идолом» (с. 178).

Своеобразным переходом к третьему разделу сборника являются статья Н.А. Гря-

калова «Волшебство вещей: фетиши», в которой раскрывается культурная сущность феномена фетишизма в рамках психоанализа и структурализма, и статья К.С. Пигрова «Личный дневник как философско-антропологический концепт», где личные документы – письма, дневник – описываются как в темпоральных, так и в пространственных категориях как топос языка, поскольку, по убеждению автора, «дневник – это техника обособления, уединения, создание мной самим субъективного пространства – создание места субъективного духа» (с. 217).

Третий раздел книги – «Сад вещей (вход и выход свободный)» – своеобразная мозаика, несколько противоречивая, спорная и провокативная, в которой мы знакомимся с философской рефлексией по поводу конкретных реалий бытия, введенных авторами в статус вещи: дверь (Ю.А. Разинов «Дверь»), дорога (Ю.Е. Пермяков «Метафизика дороги»), зеркало (Е.А. Иваненко, М.А. Корецкая, Е.В. Савенкова «Зеркало и субъективность или рефлекс рефлексии»), рулетка (Е.А. Иваненко «Рулетка (измерительный инструмент)»), калейдоскоп (М.А. Корецкая «Калейдоскоп»), сувенир (М.А. Корецкая «Сувенир»), кнопка (Е.Ю. Михалева «Метафизика кнопки»), кирпич (В.Л. Лехциер «Кирпич: добрая тяжесть и орудие судьбы»), перчатка (С.И. Голенков «Метафизика обыденной вещи: перчатка»), корсет (А.В. Конева «Корсет – изображение модного тела»), трубка и сигарета (В.Л. Лехциер «Это не трубка – это сигарета: четыре перекура по поводу простых и непростых вещей»), подарок (А.Е. Сериков «Подарок как вещь. Опыт цинического исследования»), кот (Ю.Е. Пермяков «Тимошка. Domestic cat»), кухня (М.В. Михайлова «Путешествие по кухне»).

Завершает сборник «Сила простых вещей» раздел «Простота присутствия» из двух даже не статей, а лирических эссе, составляющих, на наш взгляд, квинтэссенцию всей книги. Это работы Г.В. Мелихова «Простое» и С.А. Лишаева «Счастье как присутствие» о вовсе непросто-м смысле концепта «простое» и уникальной способности человека, осуществляющего свое бытие в мире вещей, именно в этом вещественно-антропологическом со-бытии подниматься над обыденностью и рутинной повседневностью, ощущая «экзистенциальную значительность счастья-блаженства» и «опыт блаженной полноты» (с. 379).